

• Памятники Тверской провинции

Трагический эшелон

В поселке Калашниково Лихославльского района открыт памятник солдатам и офицерам Красной Армии, погибшим в годы Великой Отечественной войны в результате налёта вражеской авиации. Трагическое событие, которому посвящен монумент, произошло в апреле 1942 года на станции Калашниково. Тогда при следовании на фронт эшелон с войсками Красной Армии подвергся нападению со стороны немецкой авиации. Под бомбами погибли 123 советских солдата и офицера.

Авторы идеи установки памятника – общественная организация по содействию увековечению памяти погибших при защите Отечества «Исток», а также преподаватели и студенты Калашниковского колледжа. Инициатива связана с ежегодным проведением в Калашниково акции «Эшелон памяти» в рамках проекта «Никто не забыт, ничто не забыто».

« СНАЧАЛА НУЖНО ТОЛЬКО ПОБЕДИТЬ ... »

Владимир Абдулов

г. Бежецк

Родился в 1970 году в Бежецке. Окончил Санкт-Петербургскую академию аэрокосмического приборостроения. Работал авиационным техником, преподавал в школе. Проходил воинскую службу на Дальнем востоке. Сейчас директор школы. Поэт, автор-исполнитель, победитель многих конкурсов. Автор сборника стихов «Выйти из тени».

А ВЕДЬ КОГДА-НИБУДЬ ЗАКОНЧИТСЯ...

А ведь она когда-нибудь закончится...
Потом придётся снова мирно жить.
Мириться с теми, с кем совсем не
хочется,

И, стиснув зубы, в сотый раз
простить...

Ругаться без стрельбы, просить
молитвами,

И, поминая сгинувших в войну,
Стучать об стол костяшками
разбитыми

И мучиться вопросом: «Почему?»

Отстраивать разрушенное заново,
И, как бы кто при этом не мешал,
Растить хлеба, стране давая планово
Не только на оружие металл.

Зубрить по новой мирной жизни
правила,
Лечить от ран и души, и тела,
Вправлять мозги, кому война не
вправила,
Учить детей, чтоб снова не пришла.
А ведь она когда-нибудь закончится.
Потом придётся снова мирно жить,
И вспоминать прошедшее в
бессонницу...
Сначала нужно только победить.

НЕПОБЕДИМЫЙ

По обломкам снарядных ящиков,
Зарывая их в кровь и грязь,
Танки черные раскорячились
И пехота шла торопясь.

Рукава до локтя закатаны,
Здесь в июле всегда жара,
Часто гавкали автоматами,
Улыбаясь и от бедра.

Добивали тяжёлых раненых,
Ни к чему нездоровый раб,
И, не брезгуя, на развалинах
Подбирали нехитрый скарб.

То вперёд забежав, для ракурса,
То отстав и ловя момент,
Дёргал Лейки затвором яростно
Герр берлинский корреспондент.

Для столичной газеты утренней
Все фиксировал объектив:
Чёрный дым над землёй обугленной,
И воронку, где грохнул взрыв,

И рябину, к земле пригнутую,
Где разбросанный лёг расчет,
И убитого санинструктора,
Просто девочку же еще.

Ствол, разбитый до основания.
Приваляясь на лафет спиной,

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Шевельнулся, придя в сознание,
Оглушенный боец. Живой.

Гимнастерка огнём покусана,
Но не раненый. Рядовой.
Посмотреть на живого русского
Собрались, как в кино толпой.

Сделать фото для долгой памяти,
Ткнув винтовкою под ребро...
Истым ариям покуражиться
Даже фюрер давал добро.

Тут не Дания и не Франция,
Да и там побежденный трус.
Пусть узнают, что высшей нации
Все позволено. «Gott mit uns!»

Окружили, смеясь по своему,
«Рус, сдавайся, Москва капут!»
И картинно сменив обойму,
Для острастки толкнули в грудь.

Но не стёрли усмешку слабую
Даже люгером у виска,
Только сплюнул слюной кровавою:
«Хрен вам, суки, а не Москва!»

А столичный делился мыслями:
«Надо ж, пленный, а страха нет!
Словно лишь от него зависело,
Кому тот, кому этот свет».

Ради кадра в газету важного:
«Auf die Knie! Schnell! Mütze ab!»
Лейтенант покачал фуражкой:
«Из такого не выйдет раб».

Рассмеялся, без опасения,
Раз уж выпало умереть,
С осознанием, что со временем
Откуется и немцу смерть.

Лай команды, по сердцу иглами,
Строй немецкий застыл стеной.
Отвернувшись, фельдфебель выдавил:
«Зря пришли мы сюда с войной...»

Снимок тот не прошёл редакцию,
Плёнку сдали потом в архив.
«Перед смертью нельзя смеяться!»
«Не подходит» — повешен гриф.

Через множество лет, что минуло,
Вбита в память, как шрам рубцом,
Фотокарточка та архивная
С улыбающимся бойцом....

* * *

Устав караульный — не шутка. В
весеннем дозоре
Нельзя ни зевать, ни жевать, ни
просматривать сны.
Апрельский патруль из сердитых
котов на заборе
Следит за порядком на ввереной части
страны.
Идущие граждане прыгают бодро по
лужам,
Патрульным охота сбежать по
кошачьим делам.
Но что тут поделаешь? Служба есть,
всё-таки, служба.
Следим за апрелем, а там уже май по
пятям.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Такая вот несправедливость страшная,
Что свыше выдают не всем подряд
Искусство промолчать, когда не
спрашивают,
И смелость говорить, где все молчат...

А ДАВАЙТЕ ПЕРЕСТАНЕМ ТЕРПЕТЬ

А давайте перекроем трубу?
Там всего-то две задвижки в конце.
Чтоб на западе поджали губу
И почувствовали: близко... беда.
А давайте не жалеть, как всегда,
А, к примеру, вдруг убавим им газ?
Ведь, не может, ну никак, холода
Европейский пережить... граждан.

А давайте, не дадим им титан
И зерно им не дадим, например?
Чтобы те, кто зла желают всем нам,
Прямо к носу приложили свой... долг.

А давайте перестанем терпеть
И ресурсы на халяву давать?
Чтобы прежде, чем свиньей переть,
Ну хотя б чуть-чуть подумали... Вот.

БЕЖЕЦКУ

Перекрёсток четырёх дорог,
Место встреч и место расставаний,
Мой провинциальный городок,
Слышавший немало обещаний.
Видевший и радости побед
И потерь тяжёлые подсчёты,
Верящий в реальности примет
И бегущий вечером с работы.

Место силы, место встречи муз,
Просто вдохновляющих поэтов,
Город, что хранит свои секреты
От любой неискренности чувств.

Перекрёсток четырёх ветров,
Что по небу кружат с облаками,
Город, сохраняющий любовь,
Даже если расстанется с нами.
Неказист, возможно, очень мал,
Хоть понятно, все же не столица.
Но туристов тоже повидал
Даже тех, кто смог в него влюбиться.

Место встречи памяти с мечтой
Множества людей, живущих рядом,
Городок, пока не ставший градом,
Но такой любимый город мой...

* * *

Эти стены молчат, только изредка в
синей ночи
Они слышат шаги, и колышутся
старые шторы.
Тени бывших жильцов промелькнут
от огарка свечи,
И страницы их книг все немые ведут
разговоры.

Ветер тронет верхушки деревьев, а
строчки сердца,
И стихами отметится вновь
пролетевшее лето.
И с часовни у дома, перезвоном на все
голоса,
Колокольная бронза озвучит ушедших
поэтов...

* * *

Попутный ветер гонит нас домой,
Задержишься — возьмёт и опрокинет.
Четыре дня остались за спиной,
Как будто их и не было в помине.

Ни позолоты Зимнего, ни встреч,
Ни музыкантов, ни кафе уютных...
И памятью дырявой уберечь
Все это тяжелее почему-то.

А Петербург в дневную суету
Нырнул, забыв очередных приезжих.
Оставив в сердце даже не мечту —
На возвращение толику надежды.

Поныл и ладно... Завтра с головой
По морю будней, не меняя галса.
А знаешь, Питер? Все-таки ты мой.
И навсегда в моей душе остался...

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 77 (сентябрь)).

Письмо семьдесят третье

ТЫ знаешь, что для меня страшно? Именно страшно. То, что общественное мнение прямо у меня на глазах поворачивают, куда угодно. И что люди убеждены в том, о чем зачастую просто понятия не имеют. Спорить с ними бесполезно, они убеждены до непробиваемой хрипоты. И еще страшнее то, что они занимают огромное пространство в определяющей общественное мнение элите страны. А исторический мир уходит и уходит в очередной раз с главного пути истории человечества. Этот маятник раскачивают люди, составляющие видимую часть общества. Он качается, и движение стрелки все видят, а вот пружина, что вращает скрытые шестеренки, невидна никому и никогда! То царь плохой, а Ленин гений человечества, то Ленин мерзавец, а с ним и Сталин и все их коммунисты туда же. Сейчас начинается обратный ход. Элита пытается удержать маятник и навешивает, навешивает, навешивает на него и то, что было, и то, чего не было, все подряд, только бы сохранить эту

Письма сельского почтальона

мутную воду. То душит цензура – «мерзавцы-тираны!». То – «Где же ограничения на этот канализационный колодец с дерьмом, с которого сорвало крышку?». А мне все время хочется задать им вопрос: «Так чего вы хотите-то, чтобы все было, как в СССР, но при этом вы бы продолжали делать, что хотите?» Одни и те же люди десять лет назад говорили одно, а сегодня поют уже совсем другие песни. Кто знает то, что было и есть на самом деле?

Во всяком случае не те, кто пишут и говорят, а уж народ-то и тем более... (Хотя он нутром чувствует очень многое и правильно чувствует). Да плюс всякие т. н. «институты общественного мнения», которые навязывают нам мнение своих хозяев-содержателей. Чтобы произвести настоящий опрос общественного мнения нужно огромное количество денег, времени и десятки тысяч сотрудников. А нам каждый день подсовывают очередной вариант «нашего мнения». А «слово изреченное – есть ложь», – сообщает нам, если не ошибаюсь, дипломат Тютчев.

Правда-то, она имеет страшный вид. Ее взгляд смотрит смертным взглядом... Те, кто устроились при перевороте – поют одно, а те, кто не успел извернуться у кормушки – другое. А есть еще и те, кто знал, что будет «большое ограбление» и хапал по-крупному. Кто больше всех обобрал страну? Партийные и комсомольские работники. Они раньше были у власти, они и сейчас при ней остаются. Но сейчас ситуация осложнилась. Те, кто нахал, настроил себе и детям, естественным путем состарились в своих уютных кабинетах с мягкими креслами. Им теперь уже по 60-70 лет. Они, как сытые коты, улеглись на своих бархатных подушках и ничего больше не хотят. Только бы никто не мешал сыто спать. А

тут президент со своими проектами не дает покоя. Ситуация сложная, приходится «поддерживать» реформы, находя при этом массу причин, чтобы ничего не делать. И единственная сила сегодня, пока еще способная что-либо изменить на политической арене, это президент и его команда. Это, по-моему, та власть, которую и призывал поддерживать апостол: «Люби власть от Бога». И это правильно, потому, что любое – «против» – раскол, а значит, тормоз. Любая другая власть опять начнет все переиначивать под себя. Опять ломка всего и нестроение...

Если сейчас объединить свои силы, независимо от того, кто «плохой», кто «хороший», главное вместе, у нас еще может что-то получиться. Это единственный, с моей точки зрения, путь развития нашего общества. И чем интенсивнее нарастает вал клеветы и лжи против тех, кто пытается поднять из руин страну, тем более я становлюсь уверен, что мы из них все-таки поднимемся.

Ты ведь знаешь, я люблю свою Родину, она у меня одна. Но я не могу не понимать того, что породила советская власть за последние десятилетия своего правления. Мы ведь все видели, как спаивали народ, отучали его работать, видели спившихся сорокалетних «колхозников»? Начиная с 15-16-летнего возраста они только пили и пропивали все вокруг. Губили технику, землю, скот, семена. Что, кроме страха, сможет поставить их на ноги? Нищета их не тревожит, себя прокормят, техника кое-какая еще ползает да остатки фермы тоже мычат. На их век (очень короткий ныне) как-нибудь хватит. Ничто не появляется вдруг.

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

Природа не делает скачков, и мы видим далеко не все процессы. Мы грибы-то собираем, а как гриби-ница распространяется и растёт кругами никогда не замечаем. И все то, что мы ругаем, хаем, критикуем, все это когда-то выросло и созрело. Вопрос только «когда» и «зачем»? Что – те, кто все рушили и орали на митингах, они не в той же советской школе учились? Всегда, в любое время, рядом были и бояре, которые сдали Родину са-

мозванцу, и Гермоген, что стоял за нее, или Солоухин и Синявский, Владимир Мономах с его Заповедью и его же детки, разорвавшие Русь на княжьи уделы... Значит, собака-то зарыта где-то в другом месте. Но на все Божья воля! Сосед мне все время говорит: «Дима, да разве я когда так пил? Что хочу, то и делаю и все, что нужно, могу купить». И соседка, отправляя меня в наш глухой сельский магазин (где, тем не менее, есть и халва, и виноград и т. д.), на-

казывает купить ей батон колбасы и полкило сыру, да подороже... Было это в деревне при коммунистах? Те, кто работает, не жалуются. Правда, конечно, у них и запросы невелики. Они не интересуются бриллиантами, мехами, иномарками и т. д. Всю эту «буржуазию» заваривает диавол и машет потом перед нашим носом своей поварешкой. Вот так мне видится наша нынешняя жизнь из моего «прекрасного далеко».

Твой Д.В. Арсеньев.

От редактора

Дорогой мой Дмитрий Валериановый, Дима!

Спасибо тебе за эти прекрасные письма. Спасибо за твою любовь и боль, за думы о нашем Отечестве. Пиши, не останавливайся. Правда, уж извини, у меня таких иллюзий, как в твоих двух последних (крайних) письмах нет. Собственно, ты это можешь увидеть и из самой идеологии нашей газеты. Для того, чтобы изложить все, что меня смущает – этого номера не хватит.

Скажу только известную истину: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Это я по поводу изобилия продуктов даже в глухих сельских магазинах. Да нет, здорово, конечно, но одно дело, когда это изобилие своих продуктов и товаров, как, скажем, в нынешней Белоруссии. Другое дело, когда русский крестьянин покупает сыр, изготовленный где-нибудь в Бельгии, хотя, были времена, когда Едимоновская (под Тверью) школа сыроварения буквально наводнила Европу своими молокопродуктами. У нас же все импортное, привозное, в любой момент «хозяин» перекроет этот «краник», и начнем мы пожирать друг друга. «Голод не тетка»... В

блокадном Питере людоедство не было большой редкостью, хотя и наряду с великой силой духа.

Что касается истории про доброго царя и плохих бояр – не верю я этому. По-моему, у хорошего хозяина и слуги добрые. В семье, конечно, не без уroda, но не все же государство? Прости, очень хочу думать по-твоему, да так и было еще совсем недавно. Но вот больше не получается. Жизнь, конечно, стала пестрее, и колбасы на прилавках много, но что-то она мне поперек горла, эта колбаса, в прямом и переносном смысле. По-моему, это та же «поварешка дьявола», о которой ты пишешь в этом письме.

В Югославии перед ее уничтожением тоже внешнее изобилие было, несмотря на различные эмбарго. Ну, и где она сегодня, эта Югославия?

У нынешней России перспективы, к сожалению, совсем не лучшие. И пока нам эту суррогатную колбасу из просроченных оборонных запасов Европы подсовывают, страну нашу – Россию – уже делят на куски, как именинный пирог. Так что, «не сотвори себе кумира...».

Очень, очень хочу ошибаться. С Воскресением тебя Христовым. Обнимаю, надеюсь скоро приехать, поговорить.

Сашенька!

Главное-то вообще лежит в другом месте. Мы это главное-то потеряли в 1917 году. Это понятие «ЧЕСТИ»! Ни экономика, ни все эти реформы, что возникают в разных академиях и прочих НИИ, чтобы оправдать их бессмысленное существование. А честь Родины, честь Рода, «честь имею!» мужчины, офицера, честь девушки... Вот на чём стоит народ, страна, будущее. За честь отдавали жизнь. (Есть даже «честь бандита», прости господи!)

И вот что должно быть у спортсмена. За деньги продаются, за честь бьются! Ванкувер хорошо показал, что в Сочи нас ждёт разгром, если мы не закроем публичный дом под названием «СПОРТ», где торгуют проститутками, у которых нет понятия Родины! И Россия никогда не будет Родиной людям с тройным гражданством и двойными паспортами.

Честь воспитывается, а не покупается! И есть понятие «Достоин» или «Не достоин». Так я думаю.

Родина-мать зовёт! И у нас в России есть люди, что слышат этот зов!

В Великих Луках на территории завода «Микрон» торжественно открыли и освятили 8-метровый памятник Вождю народов, генералиссимусу Иосифу Сталину.

Памятник был изготовлен по проекту скульптора Михаила Красильникова на народные средства 4 года назад и первоначально предназначался для установки на территории Волгограда, но из-за отказа местных властей установлен в городе-герое так и не был. Великие Луки – историческое место, где Красная Армия одержала первую и стратегическую победу в ходе Великой Отечественной войны, в результате этого город приобрел почетное звание «Малого Сталинграда».

Церемонию вел лидер Российского общенародного союза, президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, доктор юридических наук Сергей Бабурин.

Выступали народные артисты России Юрий Назаров и Борис Галкин, заслуженная артистка РФ Мария Шукшина, сопредседатель Зиновьевского клуба руководи-

Знаковое событие

тель проекта «Соотечественники» партии «Единая Россия» Ольга Зиновьева, и.о. главы Фонда сохранения культурного наследия «Русский Витязь» и исполнительный директор Ассоциации «Щит и Меч» Иван Иванов, экс-командующий войсками и силами Северо-Востока РФ вице-адмирал Валерий Дорогин, руководитель официального представител-

ства Приднестровья в РФ Леонид Манаков, председатель совета директоров завода «Микрон» Борис Каракаев и др. Обряд освящения монумента провел настоятель храма в честь иконы Божией Матери Всецарица в д. Русаново Великолукского района иерей Антоний Татаринцев.

– Открытие памятника благодаря титаническим усилиям фонда сохранения культурного наследия «Русский витязь» и благодаря руководству и трудовому коллективу завода «Микрон»

Слово Марии Шукшиной

– это дань великому человеку, оболганному и оклеветанному. Это дань великому государственнику, правителю российскому, который сумел противостоять внешнему и внутреннему врагу.

Нет, пожалуй, в истории государства Российского человека более оболганного, чем Иосиф Сталин. Ну и, конечно, царь Иоанн Грозный, как символы борьбы с пятой колонной. Яркие символы. Пятая колонна, конечно, название достаточно современное, но она была всегда, и она не

прощает тем, кто и обличал ее и гнал, и жестоко мстит за себя.

Как писал о Грозном митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) в своей книге «Самодержавие духа...», «приняв на себя по необходимости работу самую неблагодарную, как опытный хирург, отсекал он от тела России гниющие, бесполезные члены».

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

То же самое можно и нужно сказать о Сталине. Он, кстати, как и царь Иван IV, не обольщался по поводу ожидаемой оценки современниками и потомками своего труда. «Ждал бы я, — говорил царь, — кто бы поскорбел со мной, но не явилось никого. Заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь». Так и Сталин предвидел нечто подобное, когда говорил, что после смерти на его могилу нанесут много мусора, но ветер истории развеет его... Все так и вышло.

Не нашлось места Иоанну Четвертому на памятнике тысячелетия России, не находится сегодня и место Сталину в столице в дни памяти исторических побед.

За что же так ненавидят и до сих пор боятся Сталина? Кажется бы, уже столько лет прошло, столько ветров пронеслось... А все просто. Сталин трижды сорвал планы глобалистов по строительству необходимого им государства под их руководством и надзором. На Русской земле. За это и ненавидят его антисталинисты. Все прозаично. И типично до сих пор. До конца своей жизни Сталин противостоял проклятой касте, классовому врагу, как он называл привилегированную касту эксплуататорского класса. Откровенных русофобов, мечтавших сжечь Россию, как хворост в пламени мировой революции.

Но именно при Сталине произошли настоящие преобразования в России, обретение народом национал-патриотического характера. Как говорил тот же митрополит Иоанн: «Надо отдать Сталину должное, пересмотр идеологической работы в массах осуществлялся решительно и целенаправленно. От культурно-исторической до религиозной.

Русская история и национальная культура из объекта нападок, грязных оскорблений, глумления вдруг превратилась в объект почитания».

С исторической свалки подняли имена Александра Невского, которого продажная профессура называла в угоду троцкистам-русофобам классовым врагом. Имена Кутузова, Суворова.

Сталин фактически прекратил гонения на церковь, и попытки эти он предпринимал, еще когда Ленин был жив. И ему в этом помогло семинарское образование. В 36 году запретил аборт. Численность населения за годы сталинского правления выросла на 60 млн человек. В 43-м восстановил патриаршество. Но, к сожалению, все эти начинания были свернуты уже в хрущевские годы.

Меня часто спрашивают, как я, будучи православной, с уважением и почтением отношусь к Сталину. Вопрос странный! Тем паче, что многие служители церкви называют сталинизм промыслом Божиим! Такие патриархи, как Сергей, Алексей, и очень почитаемый в народе святитель. Они называли Сталина богоданым! Богодарованным вождем России! Поэтому многие православные принимают Сталина.

Чубайс возлагает цветы Троцкому. А мы вот открываем памятник Сталину. И расхождение это объясняется очень просто. Оно не партийное, а метафизическое. И тем особенно ценен акт исторической справедливости, явленный нам сегодня.

И будь у меня сейчас в руках бокал, я бы подняла его за великий русский народ, как это делал Сталин 24 мая 1945 года. Он создал такую державу, которую сколько не разваливают, не могут развалить.

Служу Отчеству!

Премьеры Тверского ТЮЗа

Новый театральный сезон в Тверском ТЮЗе обещает быть богатым на премьеры — согласованы четыре спектакля. 22 сентября состоялась премьера спектакля «Вождь краснокожих» (6+) режиссера Натальи Пахомовой. Наталья — режиссер Московского театра кукол, лауреат Российской национальной театральной премии «Золотая Маска», работала с Тверским ТЮЗом в 2020 году над спектаклем «Сказки Йозефа Чепека про песика и кошечку» (3+).

Новая постановка создана по одноименному рассказу О. Генри, рассчитана на детей от 6 лет. Автор инсценировки — Наталья Пахомова. В спектакле задействованы 8 артистов ТЮЗа и один настоящий мотоцикл, который будет выезжать на сцену во время действия. Легкий, на первый взгляд, сюжет заставит задуматься о ценности детства, о роли родителя в жизни ребенка и о том, всегда ли цель оправдывает средства.

В планах театра спектакли «Винни-Пух» (6+) в постановке Натальи Лапиной (художественный руководитель Санкт-Петербургского Городского театра, поставила в Тверском ТЮЗе спектакли «Король Лир» (16+), «Мертвые души» (14+), «Пигмалион» (12+) и «Барышня-крестьянка» (12+) в постановке Евгения Зимина (режиссер спектаклей «Завтра была война» (12+), «Сказка о царе Салтане» (6+), «По просторам Вселенной» (6+).

Д. Иванова

«КАБЛУКОВСКАЯ РАДУГА»

Татьяна Мchedlishvili

г. Торжок

Родилась на Дальнем Востоке. В 1962 году вся семья переехала в Торжок. Детство прошло в д. Сорокино под Ржевом. Окончила плановое отделение Торжокского политехникума и горное отделение Калининского политехнического института. Работала инженером, заведующей чертёжным бюро, инженером телеграфной правительственной связи. Сейчас экскурсовод Всероссийского историко-этнографического музея Торжка. Печаталась в периодике, коллективных сборниках. Автор книг «Цветёт рябина», «Кукольные домики», «Пора дождей». Член Союза писателей России.

КИНОВАРЬЮ ПРОПИТАН ЗАКАТ

Киноварью пропитан закат,
Словно кровью далёких лет,
И церковей купола хранят
Тот жестокий кровавый след:
Как мрачнели лики икон,

Но не дрогнула зла рука.
Как срывался прощальный стон
С колокольного языка...

Словно головы с плеч долой,
С колоколен колокола
Вниз летели под плач и вой,

Под ликующее – ур-а-а!
Онемели звонниц уста
(Не спаслись ни мал, ни велик).
И с годами от горя стал
Монастырь, как больной старик.

Но ещё купола, как встарь,
Отражают заката свет.
То ль по ним растеклась
киноварь...
То ли кровь пережитых бед.

ЗАПРАВЛЕН БЕЛЫМ ПЛЕДОМ ТРОТУАР

Заправлен белым пледом тротуар,
Кусты в снегах похожи на мимозы,
А над рекой клубится лёгкий пар –
Ещё её не тронули морозы.

Чернилами пропитан небосвод,
Но светел городок мой от улыбки:
По улицам Торжка – Зима идёт
И исправляет Осени ошибки.

Иван Демидов

г. Тверь

Родился в семье учителей, в деревне Лаптиха Бежецкого района Тверской области. Длительное время он возглавляет Тверьгосфильмофонд. Член Союза писателей России, один из организаторов Каблуковских литературных встреч, постоянный член жюри литературных конкурсов, кинофестивалей, ведет мастер-классы для начинающих литераторов, пишет рецензии на книги и фильмы.

МОЛИТВА СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Над заколдованным
пространством
России, стынувшей в снегах,
Мать Божья с редким
постоянством
от нас всегда отводит крах.

Волшебный плащ держа над
нами,
всегда: и летом, и зимой –
она следит, чтоб наше Знамя
не никло гордой головой.

И потому нас невозможно
сломить нигде и никогда.
Рассвет над полем дышит рожью
с её молитвой сквозь года.

БОЙЦАМ ДОНБАССА
Туман над нами. Мгла кругом
зависла.
Не слышно взрывов – ведь они
вдали,

но с каждым днем всё
прибывают числа
погибших там за пядь земли.

Склоняю низко голову пред
вами,
идущими дорогами отцов,
фашистов изгоняющих, и знамя
Победы с вами я поднять готов.

Как мой отец в далеком сорок
пятом,
с народом, отстаившим честь
страны,
чтоб никогда не знали мы
проклятий,
кровапролитий, ужасов войны.

Не зря Победы нашей Знамя ало –
она же вырастает из крови.
Хочу, чтоб это всем напоминало,
что нет святых, чем к Родине,
любви!

• Литературное краеведение

Константин Рябенский

Константин Валентинович Рябенский родился в Вышнем Волочке в 1945 году. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Печатался в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Наш современник», «Русская провинция», «Студенческий меридиан», альманахе «Поэзия», в местных газетах. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей России. Скончался в 2011 году.

* * *

Николаю Старшинову

Еще мы не были степенны,
но нас, ершистых пацанов,
в ряды поэзии нетленной
зачислил мудрый Старшинов.
И зоркий глаз его за нами
следил спокойно и светло.
И пусть не все прошли экзамен,
всем в полном смысле повезло.
Его веселые побаски
нам поднимали дух всегда,
словно отеческие ласки,
когда врывается в дом беда.
Он презирал, как мог, пороки.
Источник веры и любви,
на память помнил наши строки
намного лучше, чем свои.
Он нас поставил на дорогу,
чтоб не блуждали в бытие...
В нем было столько от пророка,

« Б У Д Е М Ч Е Р П А Т Ь

ИЗ СВОИХ КОЛОДЦЕВ... »

в его прозрениях
и чутье.

* * *

Юрию Кузнецову

Закатилось солнышко за тучу,
Ну, а туча к западу плыла.
Понимаю! Это скверный случай!
Родина! Плохи наши дела!
Закатилось солнышко и скрылось,
и пропало в туче, как в мешке.
Для кого-то это – Божья милость,
для меня – слеза на васильке.
Не глядите, милые, на запад,
ничего хорошего там нет.
Потому от всех я душу запер,
и на чувства наложил запрет.
Вы с огнем играете, родные,
а Москва – давно уже горит.
Помолитесь, люди всеблагие.
Бог услышит. Может быть,

простит.

Будем черпать из своих колодцев,
В этом наша правда и судьба.
Может быть, солнышко вернется,
Если вспомним мы самих себя.

**ЖЕНЩИНА НАМ ПЕЛА ПОД
ГИТАРУ**

Анне Широченко

Женщина нам пела под гитару,
голосом наш слух заворожив.
Все в себя и мы ушли недаром,
слыша колдовской речитатив.
В каждом постепенно
просыпалось
что-то неизбежное, свое.
Женщина над нами поднималась,
возвышая наше бытие.
Мчались в небе вольно птички
стаи,
вслед за ними плыли облака...
Все невзгоды в наших душах тают,
словно прошлогодние снега.
Мы дышали и рекой, и кленами,
припадали к дивным родникам...
Вышли мы из зала
просветленными,
Словно посетили Божий храм.

* * *

В правдоискатели играют
вышестоящие круги.

Мозги народу засоряют
И набивают кошельки.
Им хорошо в водице мутной
Ловить рыбеху покрупней
И лгать, и лгать ежеминутно,
Лишаясь собственных корней.
Рубить так лихо сук на древе,
Тот, на котором и сидят...
А мой народ, как Ванька-встанька,
сшибают с ног, а он встаёт...

ИСПОВЕДЬ

Всех мастей и народов подонки,
отвяжитесь, прошу, от меня...
Благодарен любому опенку,
не обижу замшелого пня.
И не трону я зайца “косого”,
не смогу бить картечью волков...
Все оружие мое –
это слово.

В мире столько убийственных
слов!

Но пишу я о добром и вечном.
Прославляю хороших людей.
Да и сам
быть могу я сердечным.
И усталым от ложных идей.
Потому что все сыты по горло
революцией, кровью, враждой,
где одно материнское горе
не сравнить ни с какою бедой.
И, убрав принадлежность к народу
из графы документов уже
не изменим в России погоду
и теплее не станет в душе.
Разность Веры
и разность Наследства,
и обычаев, и языка,
на котором общаемся с детства,
и калмык узнает калмыка.
Если корни свои не утратил
на исконной земле до сих пор,
не услышишь ты в спину:

“Предатель!”

от собратьев своих и сестер.
С головы рыба тухнет, поверьте, –
это русская мудрость гласит.
Шлите письма, напрасно, в
конверте,
митингуйте, бастуйте... Простит
лишь Господь возмущение это.
Нам – платить за ошибки вождей.
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

И проходит по сердцу поэта
эта трещина – шум площадей,
горе всеми забытой старушки
и бесправье народа, и стон...
И он молится в древней церквушке
и кладет за поклоном поклон.
Матерь Божья одобрила битву
с искушением раба своего.
Плоть его укрепляет в молитве,
просветляет души естество.

* * *

Ни слова. Ни вздоха. Ни взгляда.
И с криком, зажатым в душе,
пройду я резным палисадом
и – вырвусь на волю уже.

Калитка крылом перебитым
взмахнет и заплачет навзрыд.
И всеми на свете забытым
взгляну я в лазурный зенит.

Божественный свет постепенно
до края наполнит меня,
как жителя дивной вселенной
на благо звенящего дня.

И тут – я впервые увижу
цветущий сиреневый куст,
что вырос под самую крышу –
и вырвется радость из уст.

Увидя цветущее диво,
себе прошепчу я: держись.
Пойму всей душой – от разрыва
с любимой не кончилась жизнь.

* * *

Невеселое это занятие –
перечитывать письма твои.
Словно тырываешь объятья
на краю ледяной полыньи,
и я – навзничь в морозную воду,
только с хрустом круги от меня...
Неужели другому в угоду
я любил до последнего дня,
когда ты упорхнула, как птица,
беззастенчиво, весело так?
Растревожили писем страницы,
и с собой я не слажу никак.
Письма дышат любовью и светом,
И теплом, и улыбкой твоей.
Только в них не найду я ответа,
Почему разлюбила, ей-ей...
Потерял я былую осанку,

Только больше так жить не могу.
Растоплю-ка я лучше лежанку
И все прошлые чувства – сожгу.

* * *

Я умирал от зимней скуки,
с природой чувствуя родство,
когда божественные звуки
коснулись слуха моего.
И, заиграв, воскресли краски,
преобразился белый свет, –
я оказался в дивной сказке,
в которой не был с детских лет.
А звуки райские царили
и возносили в небеса
меня неведомые крылья,
и радость застила глаза.
И чуял я: меж мной и небом
Легла связующая нить,
чтоб пережил я боль и небыль.
Смог божьи звуки уловить...

* * *

С годами делаясь мудрее,
на вещи проще смотрим мы.
Наш взгляд и чище и добрее
в преддверье возрастной зимы.
Прощаем то, что молодыми
и не простили б никогда.
Для нас становятся святыми
простые отчие места.
Обожествляем мы природу,
радеем сердцем за нее.
Вручаем в руки небосводу
свое остатнее житье.
И в этом мире дивном, грешном
среди суеты летящих дней
не судим строго и поспешно
и ни врагов, и ни друзей.

* * *

Деревья пожаром объятья
и искры,
срываясь с ветвей,
по ветру летят без преграды
под крики седых журавлей.
Сгорит уходящая зелень,
устелет искусным ковром
дождями омытую землю,
и даль просветлеет кругом.
И жить ожиданием снега
мы станем в преддверье зимы:
когда ж он повалится с неба,
тревожа сердца и умы.

* * *

Забуду ль печальные звуки,
что ранили душу мою
в минуту щемящей разлуки
с тобою в осеннем краю?
Обрушились с ясного неба
на золото светлых полей
несжатого вовремя хлеба
на родине грустной моей.
Я голову вскинул невольно –
и серый косяк журавлей
пронзил сердце острою болью
извечной печали своей.
Смотрел я на гордую птицу,
что таяла в синей дали,
и мелко дрожали ресницы,
знать, нервы меня подвели.
И застил туман колокольню
в тот грустью охваченный час...
и стон журавлиный невольно
В разлуке преследует нас.

ПРАДЕД

В лесу, на розовом снегу,
как полагалось – в три оконца
мужик сосновую избу
рубил, как будто бы из солнца.
Едва дотерпит до утра, –
еще светало еле-еле,
а щепки из-под топора
в сугроб спрессованный летели.
Топор веселый – «ох!» да «ах!»,
что ни бревно – то выше, выше,
росла изба, как на дрожжах,
и за неделю – дом под крышу.
Пусть говорили – «голытьба!»
Пусть все богатство – три оконца.
Но ведь изба была –
из солнца:
светилась в сумерках изба.

ПАМЯТНИК

Меня отольют из металла,
Поставят в саду городском,
И я посмотрю с пьедестала
На всё, что творится кругом.
Пусть лица сограждан другие,
Но прежним остался собор,
Ряды и мосты городские,
И синего неба простор...
...И вот не могу шевелиться!
Стою у судьбы на краю,
И каждая глупая птица
На голову гадит мою.

Голоса незабываемых героев

Звонок по телефону:

– Это Мигров Александр...

– Мигров... Знаю такую фамилию по Великим Лукам.

Звонил из Санкт-Петербурга преподаватель университета путей сообщения, сын бывшего мэра Великих Лук, Почетного гражданина этого города Алексея Андреевича Мигрова, внук командира разведгруппы 2-й особой партизанской бригады (впоследствии командира одного из отрядов 3-й партизанской бригады) Андрея Ивановича Мигрова, скончавшегося в 1958 году.

Через несколько дней мы уже беседовали с Александром Алексеевичем у меня дома, в Андреаполе. Дело в том, что в состав этой бригады входили до января 1942 года (позже она стала 3-й Ленинградской) Ленинский (Андреапольский) пар-

тизанский отряд (в его составе воевал мой отец), а также Сережинский и Пенковский отряды.

О деятельности 2-й особой бригады в наших краях рассказано в моей книге по истории партизанского движения в Калининской области «Кому ты так обязан». Альбом же, изданный группой детей и внуков воинов бригады (в том числе благодаря Александру Мигрову), посвящен всему боевому пути соединения.

Бригада была сформирована в Осташкове из числа красноармейцев и командиров частей, выходивших из окружения, плюс из прошедших излечение в осташковских госпиталях и бойцов строительных батальонов. Общая численность к концу формирования – 386 человек. Командиром был назначен майор А.М. Литвиненко, комиссаром – старший политрук В.М. Терехов, начальником штаба – старший лейтенант А.П. Белаш, начальником разведки – старший лейтенант А.В. Герман. Место базирования – деревни Поляны и Малая Переволока Пенковского района

Из хронологических записей об основных событиях и боевых действиях бригады следует, что в конце ноября разведка обнаружила склад немецких боеприпасов в районе г. Холма, это были химические снаряды. Следовательно, гитлеровцы готовились применить их против Красной Армии. Заявление советского правительства об этом вызвало широкие протесты мировой общественности

и остановило Гитлера в осуществлении зловещных планов.

Штаб фронта требует усилить разведку, радисты день и ночь передают свежие разведданные. Одновременно начинаются активные боевые операции. В частности, был взорван склад боеприпасов гитлеровцев в Андреаполе (группы Быкова Г.В. и Сергунина И.И. – отряд М.Ф. Ганева). Разгромлены гарнизоны врага в населенных пунктах Даньково, Морозово, Моисеево, штаб полка кавалерийской бригады СС в Молвотицах.

После встречи с воинами 4-й ударной армии 17 января в деревне Бели бригада устремилась на запад, впереди наступающих войск.

В бригаде воевал отряд юных чекистов «Земляки», преимущественно из парней Кувшиновского района. О деятельности отряда подробно рассказано в книге одного из командиров отряда В.И. Терещатова «900 дней в тылу врага». Воевали и представители ряда других районов.

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

В их числе старшина Михаил Васильевич Чугунов (родился в 1919 году в д. Бурцевы Горы Рамешковского района), погибший в бою 30 августа 1942 года (место захоронения неизвестно), лейтенант Василий Михайлович Бойков (родился в 1919 году в д. Сидорково Максатихинского района), погибший в ночном бою у д. Житница 6 сентября 1943 года, Екатерина Яковлевна Данилова (родилась в Лихославле).

Осенью 1943 года после героической гибели командира 3-й Ленинградской бригады Александра Викторовича Германа комбригом был назначен Иван Васильевич Крылов. Трудно было не влюбиться комбригу Крылову в симпатичную медсестру и храбрую разведчицу с русой косой. С 1943 года, поженившись, они всегда были вместе. Вместе встретили Победу, вместе в 1952 году по направлению обкома КПСС уехали на Дальний Восток, на строительство Райчихинской ТЭЦ. Екатерина Яковлевна родила и вырастила вместе с му-

жем шестерых детей. Умерла в поселке Прогресс 19 февраля 2010 года в возрасте 92 года.

Примечательно, что составителям альбома «Голоса забытых героев» удалось разыскать песню 2-й особой бригады (автор текста и мотив неизвестны). В ней есть строки:

*Тучи грозно плывут
Над родимой страной.
В бой нас «батько» ведет
По тропинке лесной.
И строчит пулемет,
И гранаты гремят,
И на воздух летит
В Андреаполе склад.*

Экземпляры альбомов пополнит фонды Ворошиловского краеведческого музея Пеновского района. Деревни Поляны и Малая Переволока, где дислоцировалась 2-я особая бригада, находятся рядом с Ворошиловом.

Валерий Кириллов

На снимках: командир разведгруппы А.И. Мигров; старшина-пулеметчик М.В. Чугунов; разведчица и медсестра Е.Я. Данилова.

• Новые книги

Народность и национальное

самосознание

«Новая книга поэта главным образом посвящена подвигу того поколения наших соотечественников, которые выстояли, сражаясь в Великой Отечественной войне против почти всей Европы. Лирический герой в поэзии Юрия Назарова – это обыкновенный человек, и его представления о других людях вполне по народному незамысловаты: «Живут же люди на земле // С любовью и досадой, – // Одни для дома и семьи, // Другие для бравлады...» Однако же, такого рода незамысловатость обретает самые высокие смыслы», – написал в предисловии к книге Юрия Назарова заместитель председателя СП России Николай Дорошенко.

Эта книга о фронтовиках родилась не к очередному Дню Победы, а в ощущении, что нынешняя СВО – это те же окопы, блиндажи и госпитали. Она адресована новым поколениям наших добровольных и мобилизованных воинов. Кто из них откроет эту книгу, ощутит, что это его отец, дед или прадед пришел к нему, чтобы поделиться своей русской, животворной, таинственно простодушной энергией неуныния и Победы.

СМЫСЛ ЛИТЕРАТУРЫ СЕГОДНЯ

Мысли с фронта

Единственный и очевидный. Экзистенциальный, если хотите. Литература, подлинное, это то, что выхватывает человека из потока жизни и ставит перед самим собой.

К примеру. Читаешь «Преступление и наказание», письмо матери Раскольникова... и тебя выхватывает из времени.

И ты вспоминаешь свою, ещё молодую, моложе тебя нынешнего, мать, отец, ещё живой, мы идём каким-то неубиваемым маем, цветёт черёмуха, журчит маленькая среднерусская речка, в кустах, у поверхности воды, темнеют, серебрятся голавли, выходной...

И отваливается всё, что было «важно»: нужные звонки, количество просмотров твоего Телеграм-канала, вести с полей сражений...

Это важнее твоих ежедневных дежурных сообщений: «Я жив...» Потому что только благодаря этому, литературе, ты на секунду ощущаешь: жив...

Есть, конечно, у литературы, у поэзии, во всяком случае, ещё и пророческое измерение. Этого никто не отменял. Но это нельзя вынести в такое обязательное качество литературы, как первое, экзистенциальное, её свойство.

Потому что первое обязательно для всех, второе только для самого поэта. К при-

меру, большая война уже грохотала всю в моих стихах (книга «Война») ещё в 2020 году.

За несколько месяцев до СВО я снял короткометражный фильм с известными актёрами «Победа обязательно будет» про тяжёлую смертельную битву, ждущую нас.

В это время государственные пропагандоны кормили нас лёгкой спецоперацией, походом на Варшаву, вторым Крымом... С ними и их зарплатными боссами всё понятно: ни они сами, ни их дети, ни их знакомые, ни даже знакомые их знакомых никогда не попадут на войну. Даже на пушечный выстрел. С государством тоже всё понятно: оно, как амёба, – ткнули англосаксы иголкой, съезжилось, отвечает.

Планирование и пророчества – это не про них. Даже у Гитлера с его паранойей на метафизике и спиритизме не получилось. Даже в Российской империи со старцами и пророчествами – не прошло.

Господь сказал: «Без чести пророк в отечестве своём».

И это уже не изменится.

Поэтому оставим пророческое измерение литературы самим поэтам.

А вот то, что литература (да и любое подлинное искусство: кино, театр, живопись) может выдернуть человека из этого жуткого потока и поставить перед самим собой, хотя бы на секунду – это, пожалуй, самое важное, что нам осталось.

О добре и зле (в продолжение «Литературы сегодня»). Возвращаясь к сказанному. Есть такое распространённое заблуждение, что литература может кого-то изменить. Сделать лучше. Добрее. Мы тащим с собой это убеждение из Русского XIX века.

Но есть факты. Ленин читал Толстого. И Тургенева. Лейба Троцкий читал (и даже лично знал) Есенина. Гитлер читал Гёте. И Шиллера. Основатель ГУЛАГа Нафталий Френкель читал Достоевского. Эсесовский палач доктор Менгеле проходил в школе Гофмана.

Стали ли они лучше? Ответ очевиден. Но. Совершенно не исключено, что маленький Ульянов мог рыдать над судьбой Муму. А юный Шикль-губер над страданиями бедного Вертера. А Бронштейн над «Отговорила роща золотая» или «Песнью о собаке».

Пусть не рыдать, но останавливаться на секунду. Увидеть своего внутреннего Христа.

Только на секунду.

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 12).

Что потом – это другое. Это выбор. И то, что эти палачи и убийцы выбрали Антихриста – это не дело литературы. Но литература показала им в них самих Человека. Великая, подлинная литература. Показала.

То, что я писал выше об «искусстве вообще», нуждается в

уточнении. Конечно, поставить человека перед самим собой может только «литературное» искусство (кино, театр, возможно, опера). Остальное воздействует на чувства, потрясает воображение.

Но внутренний Человек только от Слова.

Алексей Шорохов

Конкурсы сочинений и рисунков

В Твери стартовали конкурсы сочинений и рисунков «Город Тверь – лицо России». Их участниками могут стать учащиеся образовательных учреждений города. Организаторами творческих конкурсов выступают Тверское отделение Российского фонда мира, Тверская городская Дума, администрация Твери и Общественная палата города. Работы на них принимаются до 5 октября в трех возрастных группах: 7–10 лет; 11–15 лет; 16–18 лет.

У конкурса сочинений две номинации. В первой – «Тверь современная» – ребятам предлагают рассказать о том, как

сегодня выглядит город, что им в нем нравится и что хотелось бы изменить. Вторая номинация – «Тверь в будущем». В работах, присланных на нее, юные тверитяне смогут помечтать о том, как будет выглядеть столица Тверской области через 10, 20, 50 или даже 100 лет.

У конкурса рисунков также две номинации: «Тверь – город мира» и «Тверь в будущем». Награждение победителей обоих конкурсов будет приурочено к Дню народного единства – 4 ноября. Лучшие работы войдут в альбом, посвященный 30 – летию Тверской городской Думы.

Б. Степанов

Детей надо организовать

Нередко приходится видеть как на детских площадках, появившихся в последнее время в каждом городе, дети просто слоняются без дела или сидят на снарядах и лавочках, уткнувшись в телефоны. В прошлом году в конце августа в библиотечном сквере города Белого состоялось открытие детской площадки. Яркая и современная, она постоянно собирает большое количество детей. Центральная библиотека стремится заинтересовать детей, посещающих площадку, книгой, привлечь к чтению, а иногда и просто внести разнообразие в их игры. Например, прошла игровая программа под названием «Прощай, Лето!». В гости к ребятам пришла Маша из мультфильма «Маша и Медведь», которая предложила поиграть в различные игры: в «Жмурки», «Попади в цель», «Самый ловкий», «Классики», проявить свою ловкость, быстроту. Все получили заряд бодрости и отличного настроения!

Старые письма

Эти письма нашла в маминей сумочке после её смерти. Были они от её двоюродной сестры Жени, в девичестве они носили одну фамилию – Рихтер – и были необыкновенно дружны, потому что жили практически одним домом. Их отцы, родные братья, обосновались на хуторе Авиново, расположенном недалеко по деревенским меркам от Серёжина и Холма. Так бы, наверное, и жили, растя детей, из поколения в поколение обрабатывая землю в российской глубинке, куда когда-то за лучшей долей перебрались их прадеды и деды из далекой Саксонии и Эстонии. Если бы не тридцать восьмой год: повальное раскулачивание совсем не богатых (лошадь и корова в хозяйстве) людей, высылка семьи Жениного отца, скитание по огромной стране и многолет-

няя тоска по родным местам:

«Я всё не спрошу тебя, Эля, где вы жили во время войны, ещё в Авинове или нет? От тёти Лизы было письмо. Пишет, ездила на наш хутор, где мы все жили. Всё заросло кустраником, лесом, от аллеи осталось мало, всё старое ветром повалено. Эля, а мне так хочется побывать там, где мы когда-то бегали босиком по траве, собирали бруснику возле гумна. Почему там даже не пахнут? Или нет близко колхоза? Если не умру, всё равно я когда-нибудь туда поеду. Конечно, не одна, с детьми. Кто-либо поедет со мной. Где-то там и подружка моя – Зина Быстрова – живёт».

О письмах снова вспомнила, когда начались события на Украине, потому что были они писаны в конце восьмидесятых из Лисичанска, где Женя и жила в ту пору у младшей дочери. Перебирая старые странички, наткнулась на воспоминания о войне Великой Отечественной.

Слышала и раньше, что у этой маминей сестры, светловолосой красавицы, были близнецы, рождённые от польского не то офицера, не то солдата, работавшего вместе с ней где-то в Сибири. Но подробностей не знала, о тех событиях раньше больше молчали.

И вот оно, письмо:

«Эля, годы прожиты. А как? Боже мой, Боже! Бедная моя мама, царство им всем, покойным, небесного: и мамочке, и Тихону Семёнычу, моему второму мужу. Она мне всё говорила:

– Не выходи, деток (Элю и Роберта, моих близнецов) мы тебе поможем с папой вырастить, их выучить.

А я маму не послушалась. Годы-то молодые. С первым я только год, даже года не жила, а месяцев десять. Он был из города Лодзь (Польша). Тоже в трудармии. Вот и вышла после окончания войны в июле 45-го. А вскоре прошёл слух, что их будут на родину отправлять. Вот я и потеряла покой.

Да жизнь-то какая там была. Жили в бараках: женщины в одном конце, мужчины в другом, перегородка стояла посередине. А они, начальство, в конторке. Мой Михаил – завскладом был. Да какой там склад, маленький... В общем, заведовал на участке, где мы работали, «Землянки» назывался. Участок в шести километрах от станции Богандинская Тюменской области, в лесу, кругом болотца. Лес сосновый, место красивое, но тогда не до красоты нам было.

Нас очень худо кормили: 400 грамм хлеба на сутки и там... суп, турнепс тушёный на второе по карточкам давали. А денег вообще не платили, там рубля два-три за месяц...

(окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

Так и в столовую мало было заплатить, хоть и копейки стоил тот же суп.

Когда мы приехали, вернее, из Омска нас 7 человек туда с сопровождающим отправили, сопровождал еврейчик Кац, он, наверное, своим, где они жили на частных квартирах, и сказал, что привёз девчат. Ну вот они-то, мужички, годами все постарше нас были, видно, и искали встречи. Парня только два были.

А мы поначалу в лесу работали. Ребята пилили лес, а мы сучки обрубали и жгли. А снега там ужасно глубокие, по пояс. Бурки давали нам – обувь, брюки ватные и фуфайки, всё белое. Попробуй целыми днями в снегу лазать, ноги мёрзнут. Позаболели все мы. Потом отправили на шпалозавод, километров за 10, на станцию Винзили. На заводе месяца три или четыре проработали, тресту нашему в Омске нужны были шпалы. Вот мы и зарабатывали шпалы.

Однажды приехали со станции нашей Богандинской, выстроили будку-временку и стали нас лучше кормить: выдавали суп, кашу, хлеба больше. Вот тут-то он и увидел нас. Их было трое, один варил, видно.

Мы жили на частной квартире, много человек, девчат – десять. За едой ходили по очереди (котелки-чашки на двоих). Я с Марией Классен. Вот она приходит однажды и приносит супу целый котелок, каши тоже много. Я и глаза вытаращила, а другие девчата смотрят и шутят, мол, вам по благу, видно столько дали. А мне Мария тихо и говорит после: «А тебя, Женя, там спрашивал какой-то, почему не пришла?» Вот это и было наше знакомство на той станции зимой 44-го.

О трудармии что-то, кажется, слышала прежде, но пока это меня лично не касалось, не задумывалась по-настоящему. Интернет прояснил суть этой структуры: «Временные трудовые коллективы были созданы в годы Великой Отечественной войны в виде рабочих батальонов, включенных в систему НКВД и МВД СССР. Отдельные трудовые коллективы продолжали существовать и в послевоенное время.

Формально все мобилизованные считались свободными людьми, которых защищали советские законы. Но на деле их жизнь регулировали декреты, инструкции и положения Комитета обороны. А контроль за мобилизацией и содержание возлагались на НКВД. Работали трудящиеся на добыче полезных ископаемых, лесозаготовках и в строительстве.

Советские этнические немцы во время Великой Отечественной войны считались особенно неблагонадежными. Именно поэтому они составили основную часть мобилизованных в трудармии.

Что ж, у маминой сестры повод там оказаться был: по матери – из эстонцев, по отцу – немка. Каким образом туда попали поляки, можно лишь догадываться.

Но и в этих условиях жизнь брала своё, люди, не думая о национальностях, войне, НКВД, влюблялись, заводили семьи, рожали детей. Об этом и в найденном мной письме.

Мамы теперь нет, подробнее расспросить о продолжении этой истории некого. А родовые связи в нашем поколении, к сожалению, прервались. Хотя, вспоминая теперь слышанное раньше о том, что поляка того куда-то отправили. Он, любивший свою красавицу Женю, говорил, что

разыщет её непременно, что бы ни случилось. Но она больше ничего никогда о нём не слышала. А детей Михаила (скорее всего, имя переименовано на русский лад) из польского города Лодзь растил русский чиновник средней руки, которого Евгения иначе как Тихон Семёнович не называла.

Письма к моей маме от сестры Евгении перестали приходить в девяностом, вероятно, её не стало. Написав несколько запросов по адресу, указанному на конверте и не получив ответа, мама попытки прекратила. Тогда мы ещё были одной страной, и в страшном сне никому из нас не могло присниться то, что сегодня там происходит. Ни мама моя, ни сестра её, слава Богу, не узнали, что снова по улицам Лисичанска разгуливают нацисты со свастикой. Там опять стреляют и гибнут люди.

А я сегодня с тревогой думаю о том, кто же из моих кровных родственников остался в тех местах? И когда в сетях прочла сообщение о гибели юной девушки-снайпера из Лисичанска по имени Женя, защищавшей Донбасс, вздрогнула сильнее обычного. Наш род отличался зорким глазом, я и сама когда-то очень недурно стреляла из «мелкашки». По возрасту она как раз могла быть правнучкой той самой Жени, родившейся в 1924 году, чьи письма я так внимательно перечитываю, словно пытаюсь разгадать какую-то тайну. А в сознании при этом то и дело всплывают мотив и слова песни Булата Окуджавы: «Ах, война, что ж ты, подлая, сделала: вместо свадеб – разлуки и дым!»

Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

стр. 15

Юнна Мориц

(1937 г. р.)

МОЙ КРУГОЗОР

Я не владею испанским, немецким,
французским.
Мой кругозор остается достаточно
узким –
Только любовь, только воздух и
суша, и море,
Только цветы и деревья в моем
кругозоре.

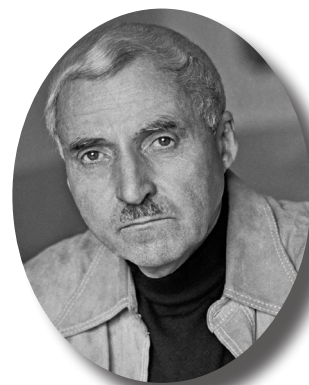
Я не владею английским, турецким
и шведским.
Мой кругозор остается достаточно
детским –
Только летучие радости, жгучее
горе,
Только надежды и страхи в моем
кругозоре.

Золотой запас

Греческим я не владею, латынью,
санскритом.
Мой кругозор допотопен, как
прялка с корытом –
Только рождение и смерть, только
звезды и зерна
В мой кругозор проникают и
дышат просторно.

Я не владею морским,
деревенским, спортивным.
Мой кругозор остается почти
примитивным –
Только мое и твое сокровенное
дело,
Чтобы земля с человечеством
вечно летела.

Только любовь, только воздух, и
суша, и море,
Только надежда и страхи в моем
кругозоре.
В мой кругозор проникают и
дышат просторно
Только рождение и смерть, только
звезды и зерна.

Константин Симонов

(1915 – 1979)

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом
надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну
большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидел.

Клочок земли, припавший к трем
березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось
родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы
нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей
земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу,
в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три
березы
При жизни никому нельзя отдать.

Константин Аксаков

(1817 – 1860)

ВОЗВРАТ НА РОДИНУ

Убитого душой прими меня к
себе,
Моих отцов пустынная обитель.
И здесь, опять деревни мирный
житель,
Я дам отпор враждующей судьбе.

О, усмири души моей волненье,
Прошедшее мне жизнью повеи,
Родимый край! Среди твоих
полей,
Быть может, я найду успокоенье.

За юные отравленные дни
Не нанесу судьбе упрека,
Забуду здесь страдания мои,
Неправые обиды рока.

И тихое уныние сойдет
Мне на душу, и, горестью
счастливым,
Пойду один, печальный,
молчаливым,
Куда меня дорога поведет.